

Ее всегда любила публика, с нею охотно работали режиссеры. Стоило ей выйти на сцену или появиться в кадре, как на ней тут же фокусировалось внимание. Я намеренно употребляла глаголы прошедшего времени, потому что сегодняшняя Екатерина Васильева, староста храма Софии Премудрости Божией, уж слишком отличается от прежней, народной артистки России и примы Художественного театра. Играет очень мало, живет круглый год за городом, занимается внуками, в светской жизни не участвует. Фильмы с нею время от времени крутят по телевизору, так что народ ее помнит. Стоило ей только выйти на сцену в меньшиковском «Горе от ума» в довольно скромной роли — и зал разразился овацией.

Как примерная бабушка, она часто остается с детьми, и даже отдыхать ездит не одна, а со старшей внучкой, пятилетней Параскевой (уменьшительно — Пашей). Младшему — Феде — еще нет годика.

— **Вы совсем перестали сниматься?**
— Думала, что совсем. Но вот Олег Янковский уговорил меня сыграть роль в его телефильме по пьесе Птушкиной «Пока она умирает» (она — это я). Большой фильм сняли ровно за месяц, так что на Новый Год милости просим к экрану. Надеюсь, что это будет все-народно любимая картина, которая сменит «Иронию судьбы» или другие фильмы, обычно показываемые в Новый Год.

— **Как строится ваша повседневная жизнь, когда вы не снимаетесь и не играете в театре?**

— Моя повседневная жизнь? Прекрасно! Сын у меня священнослужитель. Живем мы все в одном доме. Просыпаюсь я рано, сын уезжает в Москву на службу.

— **Внуки не дают поваляться в кровати?**

— Совершенно. Вся та богемная жизнь, с ее особым режимом — потягиванием в постели, ночными посиделками, с поздним отходом ко сну и вставанием — осталась в страшных снах. День целый в трудах, с внуками. Только и слышится: где Паша? где Федя? Достаточно времени уделяется семейной молитве. На все праздники семьей бываем в храме, и детишки тоже: они дважды в неделю бывают на службе в Москве. Храм — дом, храм — дом, так и складывается жизнь. Мама моя любимая — чуть не самый главный объект, который заставляет меня ездить часто в Москву, а то я была бы безвыходно на даче.

— **Единственная работа, в которой вас могли видеть в этом сезоне московские театралы, — «Горе от ума». Вам не жаль, что спектакль больше не идет?**

— Жаль. То был особый спектакль. Я с такими не сталкивалась. Это дело именно Олега Меньшикова, его стиль, его манера, решение. Не знаю другого режиссера, который на таком взлете, на таком успехе снял бы спектакль! Олегу хотелось, чтобы он ушел не развалившись.

— **Я думаю, Меньшиков слишком вошел в новую работу, в «Кухню». Он не предлагал вам играть в этом спектакле?**

— Нет.

— **Вы сказали в одном интервью, что ваш духовный наставник благословил вас на то, чтобы вы играли время от времени. Но ведь артист не может работать время от времени, он должен постоянно держать форму?**

— Я не помню про работу «время от времени». Наверно, меня не так поняли. Сначала это была моя инициатива бросить работу. Батюшка к этому относился очень скептически, говорил, что это его волнует гораздо меньше других моих духовных достижений и недостижений. Бросила работу я просто потому, что разлюбила. Она стала для меня мучительной, насильственной. Если я сейчас и соглашусь поработать у какого-то режиссера, нужно, чтобы сошлись несколько компонентов. Прежде всего — материал. Потом — чтобы мое участие было незначительным. Большая роль, лицедейство, где надо отходить от себя, перевоплощаться — это вообще исключено. Если меня можно использовать в кино или в театре — то только в хорошем. Имею ввиду, в первую очередь, не художественную сторону, а идейную...

— **Насколько я помню, вы играли в работах приличного уровня, в ерундовых не участвовали...**

— Это тогда казалось. По прошествии лет, пересматривая свою творческую биографию, я поняла, что все не так однозначно. Теперь я хотела бы играть в таких спектаклях, как «Горе от ума», где Олегу Меньшикову было нужно не лицедейство Васильевой, а я как знак. Понятно? Вот я просто вышла — и уже достаточно. В свое время я регулярно выходила на сцену и не задумывалась об отношении публики к моей персоне, не придавала этому такого значения. Потом я некоторое время совсем не играла. Затем, после перерыва, возобновила «Игры женщин», спектакль, который польский режиссер Кшиштоф Занусси поставил во МХАТе специально для меня, и мы повезли его в провинцию. Когда после спектакля я вышла на сцену... началось такое... не знаю, с чем сравнить — все встали, плакали. То был один из самых волнующих моментов моей жизни. Я думала: Боже, я не заслуживаю такой любви! В чем было дело? Я отнесла на счет того, что долго не была на сцене. А может быть, это любовь не столько ко мне как к актрисе, сколько к моей гражданской позиции или к моей судьбе? Я никогда не задумывалась, чем воздействую на зрителей. Просто я обладаю, ко сожалению...

— **Почему к сожалению?**

— Потому что это сомнительный дар: я выхожу — и на мне концентрируется внимание...

— **Я помню, как вы вошли в «Чайку» Юрия Погребничко. Спектакль репетировался и какое-то время шел с другой актрисой. Потом возникли вы, всё поломали и построили заново. Ваша Аркадина, только появившись на сцене, подчиняла себе всех — участников, зрителей. У нее шла своя игра с залом, со всеми персонажами. Ей не надо было доказывать, что она — prima, известная актриса. Она имела право быть другой, не как все, и она пользовалась этим правом. Это была великая роль!**

— Цель совсем не в этом. Цель любой жизни — спасение души. Человек призван, чтобы спастись. И более ничего. Мы с вами не будем долго спорить, поскольку меня вам не поколебать. Цель моя такова, и она неизменна. Я встала на эту стезю, и всё, что мне мешает спастись, должно быть отсечено. Лицедейство — вещь очень серьезная и, конечно, помеха на моем пути, поверьте. Всё должно быть естественно, и поэтому я не уходила. Ну, кино — это всего лишь кино, а театр был мною очень любим, я играла с азартом, с увлечением, пьянела на сцене вроде Нины Заречной. Ну, не пьянела, поскольку была похитрее артистка,

пала на слова: «горе тому, через кого соблазны приходят...» Именно так я к себе и относилась. Мне часто говорят: «Не оставляйте актерскую профессию, будьте с нами, веселите нас». Это эгоистические просьбы. Актеры — проводники соблазна.

— **Но также и проводники гуманизма, высоких идей, если ставится хорошая драматургия. Вы когда-то играли Клару Цехановскую в телевизионном фильме Михаила Козакова «Визит дамы» по Дюренту. Женщину-жертву, но и чудовище, одержимое мстостью. Вы же не предлагали зрителям полюбить ее и принять ее жизнь в качестве примера для подражания. Своими ролями вы учили людей Добру.**

— Я-то думаю, что играла Клару так, что никакого развенчания не было, была обаятельная женщина, и все ей сочувствовали. Как сыграно: хорошо или плохо — это другой разговор. Но братья за это мне было нельзя. Не знаю, что мне еще предстоит отвечать на Страшном суде за роли, подобные этой. У меня было много подобных персонажей — та же королева Марго, фильм «Царевне»...

— **Остались ли у вас в искусстве авторитеты?**

— Авторитеты... авторитеты... пожалуй, у меня их и не было никогда в искусстве. Серьезно отношусь к Никите Михалкову. С точки зрения идеологической — даже более, чем художественной, хотя и с художественной тоже — я возлагаю на него надежды. В том смысле, что он сможет повернуть этот «табун», «стадо» (помните, Светлана, в фильме «Верные друзья» несется табун лошадей, и молодая Шагалова бросается под ноги лошадям, и весь табун поворачивает?) Если весь «табун» творческой интеллигенции повернет в сторону нравственную, в сторону православного воспитания, я, может быть, и приму в этом участие. Для меня в этом смысле авторитетом был недавно ушедший от нас Валера Приемышев — настоящий русский художник. Мы с Валерой, Царство ему Небесное, очень дружили. Сделать он успел, правда, мало: ему толком не дали.

— **Поскольку «поэт в России больше, чем поэт...», деятели искусства часто воспринимаются как учителя жизни. С них берут пример, с ними советуются. Публика вообще склонна боготворить своих кумиров...**

— Как можно употреблять такое слово — боготворить — в отношении обычных людей! Когда-то артистов на порог приличных домов не пускали, а сейчас они — идеологи, кумиры! Советуют президенту, что можно и чего нельзя. Какую огромную роль артисты сыграли в период ельцинского правления! Меня Господь спас: я ни в одной коммерческой рекламе не работала. Слава Богу, мэрия Москвы предложила мне сняться в ролике, призывающем жертвовать на строительство Храма Христа Спасителя. Я целый год появлялась на экране — и сколько денег пришло! Когда освящали Храм, я плакала: милость Божья, что моя доля есть в этом деле... Бывает, что артистам дано горы своротить, но не надо превращать их в эталон! Вы знаете, как они живут?! Нравственно ли? Ходят ли в церковь? Как детей воспитывают? Изменяют ли женам? И вообще кто они такие?! Какое они имеют право вести за собой, не будучи абсолютно чистыми? Вы же ничего не знаете про их жизнь, так же как про писателей, художников и других «властителей душ». Это далеко не самый нравственный слой народа. Крестьяне просто ангелы по сравнению с городскими. Что мы так выпячиваем и превозносим артистов — это инерция мышления, и на экране постоянно одни и те же лица. Эти лица кажутся такими симпатичными, умными и добрыми. Они вошли в наши дома, сами не ведая, что творят. Только человек проповедующий может иметь право обращения к такой большой аудитории. Получается, что артисты у нас заменили проповедников, театры — заменили храмы. Всё перевернулось с ног на голову.

— **Так еще Гоголь увидел в Театре — Кафедру...**

— Правильно, это началось с середины XIX века. Если б не это, не было бы революции 1917 года...

— **Что, артистический мир отвечает за революцию?**

— Интеллигенция отвечает.

— **Но не стоит всю ответственность возлагать на творческих людей! Интеллигенция занимается и наукой, и техникой, и образованием, и медициной...**

— Артистическая — самая избалованная, приносящая поклонение. Она во многом грешна. Вот я недавно вспоминала свои роли — я же 15 лет во МХАТе... Боже, что я играла! Чехов. Теперь я смотрю на него другими глазами. Какой ужасный автор! К чему он призывает! Какие-то три женщины бесстыдны, требуют от жизни немислимых для себя условий: в Москву! в Москву! Этот для них нехорош, тот нехорош. Капризничают, изменяют мужу, делают Бог знает что. И все их жалеют... почему? по какому праву? Когда меня пригласила покойная Лена Майорова на «Три сестры» во МХАТ, я с ужасом смотрела на сцену и понимала: вот пьеса об интеллигенции! О Боге — ни слова! Кому здесь можно сострадать?! А Аркадина? Это та самая интеллигенция, которая жила без-божно.

Тут я поняла, что наш разговор зашел в безысходный тупик. Я никогда не соглашусь с обвинением Чехова в безнравственности и готовности сострадать его героям. Толерантность выше догматизма... На этом я рассталась с моей когда-то очень любимой актрисой.

Светлана НОВИКОВА

ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВА: АКТЕРЫ ПРОВОДНИКИ СОБЛАЗНА

Фото М. ГЛУТМАН

Я считаю, лучшая роль актрисы Екатерины Васильевой.

— Знаете, как это закончилось? Я сидела у батюшки дома, мы пили чай (мы любим собираться у него на чаепитие). И наступила пора мне идти на спектакль. Я подошла под благословение. Он спросил меня, куда я иду. Я говорю: играть спектакль «Чайка». Он благословил и добавил: «Играйте во славу Божию, не в свою — но Божию». Я села за руль машины и стала думать: а как играть во славу Божию? И началось: я напрягала все свои душевные и умственные силы, но так и не могла ответить на сей вопрос. Поняла одно: это невозможно! И когда вышла на сцену — чуть не под визг зрительного зала — почувствовала, что не могу изгнать из себя... не то что тщеславие... но какое-то самодовольное поскребивание, что ли: вот, мол, как у меня получилось здорово, как лихо. Но простите меня, Светлана, я — православная христианка, и вам, наверно, известны азы: тщеславие — один из самых больших грехов, и ни одна профессия не дает такого простора, как артистическая. Это уваженная почва для тщеславия, и оно расцветает на ней пышным цветом. Оставаясь в театре, бороться с этим грехом практически невозможно.

— **Если Господь, создавая человека, наделил его талантами, наверно, он желал, чтобы человек их не тратил даром и развивал. Иначе зачем было Господу напрягаться? И долг каждого — понять, на что он способен и зачем существует, и, если одарен — использовать свой дар на благо. Я понимаю это как жизненную цель...**

чем Нина, но занятие это любила очень! А потом я его раз-лю-би-ла. Случилось это после работы на «Орестее» с Питером Штайном, когда я больше полугода ежедневно репетировала Клитемнестру и год играла эти семичасовые спектакли. Это была не роль, а ролина, и она меня доконала. То, что я вернулась из европейского полугодового турне живой, это просто заслуга молитв моего батюшки, поскольку были моменты, когда я была на грани полного физического истощения. Я возненавидела театр, для меня многое открылось, так что я в каком-то смысле благодарна этой истории. И тогда я пришла к батюшке и сказала: «Все, больше не могу!» И он ответил: «Ну вот теперь я вижу, что вы действительно можете оставить сцену.» Так было покончено с театром.

— **Но почему ж покончено? Ведь потом было «Горе от ума»? Да и дальше, я надеюсь, у вас будут новые предложения, которые вы примете?**

— Покончено — потому что изменилось мое самоощущение, мое отношение к профессии. И когда я приходила на «Горе от ума», где все — милые люди, и я очень люблю самого Олега, и у меня такая несложная маленькая роль — меня не оставляло ощущение, что мне неприятно играть. Всё прошлое как отсекло. Следующий день после спектакля я всякий раз ходила больная... Конечно, я могу этим заниматься и, возможно, буду — ради идеи или денег. Но я это не люблю всеми фибрами своей души!

— **А если пьеса высокого нравственного содержания — вы же можете играть, как вы сказали, во славу Божию?**

— Как раз вчера я открыла Евангелие и по-